

УДК 7.067.

«... ЛЮДИ ИСКАЛИ СВЕТА И НАХОДИЛИ РАДОСТЬ В ИСКУССТВЕ»: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССАХ КРАСНОЯРСКА¹

Марина В. Москалюк²,
Лилия Р. Строй³,
Красноярский государственный институт искусств,
22 ул. Ленина, Красноярск, 660049 Россия

Контактная информация

Москалюк, М.В.: Красноярский государственный институт искусств; Россия 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 22, Сибирский федеральный университет; Россия 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

Строй Л.Р.: Красноярский государственный институт искусств; Россия 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 22

Ключевые слова

Творческая жизнь, художественные процессы, Первая мировая война, революция, художник, художественная выставка, Красноярск, Сибирь

Аннотация

В статье рассматриваются художественные процессы, происходившие в сибирском городе Красноярске в 1914-1920 годы. Главным методологическим основанием научного исследования по изучению творческой составляющей города в годы Первой мировой войны и революции являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, позволившие на основе уникальных архивных данных реконструировать картину художественной жизни города и изучить участие в ней художников-военнопленных Первой мировой войны, привнесших традиции европейского искусства в творческую архитектуру Красноярска. Впервые на сведениях, которые не использовались ранее при анализе художественных процессов, выявляются имена профессиональных мастеров и художников-любителей из Германии, Австрии, Венгрии, Словении, находившихся в военном плену и занимавшихся оформительской работой, проведением художественных выставок, преподаванием в рисовальных классах, взаимодействовавших с местным художественным обществом. В статье делается вывод о том, что обозначенные направления творческого процесса формировали художественную жизнь города в период Первой мировой войны и революции, и участие в ней иностранных мастеров не только обогащало культуру города, но и помогало людям выживать в один из самых драматичных периодов мировой истории.

---

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24006.

² Corresponding author E-mail address: Mawam@rambler.ru

³ Corresponding author E-mail address: Listroy@yandex.ru

Introduction

История нашей страны значительно дополняется и расширяется региональными сюжетами, которые требуют тщательного изучения и осмысления. Сложнейшие испытания начала XX века – Первая мировая война, революция 1917 года, гражданская война – как всполохи пожара быстро достигали восточных территорий и охватывали их. Прокатившись по Сибири и Дальнему Востоку, исторические катаклизмы обретали новое качество и возвращались в Центральную Россию с многочисленными потоками мигрантов (военнопленными, беженцами и эвакуированными), то двигавшимися с запада на восток страны, то возвращающимися обратно.

Темы войны и искусства, противоположные по своему содержанию, редко связываются воедино, но уникальные архивные и мемуарные источники дают нам бесценный материал, позволяющий понемногу закрывать «белые пятна» истории искусств Сибири. Большую исследовательскую работу по изучению сибирских художественных процессов проводили такие учёные, как И. Давыденко, И. Девятьярова, В. Лапшин, Ю. Лыхин, Л. Овчинникова, П. Муратов, Т. Степанская, И. Тюрина, В. Чирков и другие, труды которых являются бесценным фундаментом для создания общесибирской истории изобразительного искусства. Среди немногочисленных исследований, посвященных культуре периода Первой мировой войны, особый интерес представляют работы, осмысливающие влияние иностранных военнопленных на культуру сибирских провинций. Среди них особо выделяются изыскания М. Бершадской, А. Гергилевой, Т. Комаровой, Л. Радауэр, Н. Суржиковой, Е. Царевой и других авторов. Данная статья, во многом основанная на неопубликованных ранее источниках, раскрывает одну из самых драматических страниц общероссийской и региональной истории, показывая, как военные и революционные события отражались на сложении художественных процессов и влияли на них.

Источники и методы исследования

Методологическим основанием данного исследования выступают принципы исторического анализа и историографического подхода. В качестве фактологического материала для статьи использовались документы Государственного архива Красноярского края (ГАКК), архива Красноярского краевого краеведческого музея (АККМ), а также сведения, почерпнутые из сибирской периодической печати первой четверти XX века. Сопоставление фактов, зафиксированных в данных источниках, и интеграция их в единое целое позволили реконструировать художественные процессы, происходившие в городе Красноярске в 1914-1920 годах.

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системный анализ, конкретизация и обобщение. Важное значение в исследовании имела детализация исторических событий, позволившая реконструировать творческую жизнь военнопленных Первой мировой войны, повлиявших на культурные процессы города Красноярска. Также были обозначены основные составляющие художественного процесса, в котором участвовали не только иностранные, но и красноярские мастера: экспозиционное движение, художественное образование, творческие союзы. Объединение художественных сил – местных и пришлых – способствовало сохранению и развитию городской культуры в один из самых драматичных периодов отечественной истории. Исследование данной темы невозможно без междисциплинарного подхода, который, используя аналитический язык нескольких дисциплин – истории, культурологии, искусствознания, позволяет объемно и выпукло воссоздать картину художественной жизни Красноярска в период Первой мировой войны и революционных преобразований.

Обсуждение (Discussion)

Первая мировая война ворвалась в мирную жизнь Красноярска 18 сентября 1914 года эшелонами военнопленных. Людей, воевавших против

Российской империи, ежедневно доставляли в город тысячами, вагоны с военнопленными приходили по несколько раз в день. В начале войны пленные вызывали у горожан большой интерес, в котором не было негативных чувств. Местная газета «Отклики Сибири» (1914, № 135) писала, что эти люди привлекали к себе «... жадное внимание улицы. Германцы ли то, венгерцы ли, словаки, чехи безразлично; ... лишь бы «пленные». ... А их все ведут и ведут под слабым конвоем солдат и казаков. И чувствуется, несут они с собой дыхание далёкой и ужасной войны». Обозреватели отмечали, что среди австрийцев, немцев, венгров (мадьяр), чехов, румын, сербов, поляков, итальянцев, турок, прибывавших в город, были и гражданские лица, которые приезжали даже с детьми. «Город наводнялся беженцами из Западных губерний. Через город часто двигались колонны военнопленных»⁴. Их поселили в бывших загородных солдатских казармах, называемых военным городком, одном из 400 лагерей, организованных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны.

Красноярский военный городок, по воспоминаниям его «жителей», был «огромный». Расположенный в семи верстах от города на берегу реки Енисея, он был окружён колючей проволокой. Для солдат вырыты бараки-землянки, офицерский состав проживал в каменных казармах. До 1917 года военнопленные были на особом положении. Офицеры получали по пятьдесят рублей в месяц и пользовались привилегиями: они не привлекались к работам; у них была отдельная столовая; их страны выплачивали за каждого денежное пособие в размере 200 рублей (Комарова, 2007); они имели право на посылки и денежные переводы из дома. Такое жизнеустройство военнопленных было характерно для лагерей, расположенных в Сибири и многие из них писали домой о том, что живут «хорошо, такого житья желал бы и вам» (Вебер, Суржикова, 2014).

Помимо сносных бытовых условий, в лагере силами военнопленных осуществлялась и творческая жизнь, «... люди искали света и находили

---

⁴ АККМ. В/ф. 3645, л. 31

радость в искусстве»⁵. В 1956 году бывший венгерский военнопленный красноярского военного городка вспоминал о том, что именно в этом лагере оказалось больше всего художников, музыкантов и артистов, которые развернули широкую культурно-массовую деятельность. Например, в одной из казарм деревянный настил, поднятый на аршин, являлся сценой, перед которой были расставлены скамьи⁶. На сцене, вмещавшей до 60 артистов, выступали самоорганизованные творческие коллективы военнопленных – хоры, оркестры симфонический и народных инструментов. Помимо этого, в лагере работали постоянные венгерский и немецкий театры, в которых тоже были собственные оркестровые группы. Это позволяло не только осуществлять постановку спектаклей, но и концертов, а также эстрадных представлений.

Сценическое пространство художественно оформлялось. Мастера шили занавес из одеял⁷, костюмы из мешков; этот нехитрый реквизит расписывался масляными красками⁸. Перед выходом артистов и музыкантов на сцену, с ними работали художники по гриму⁹. Афиши, созданные в лагере, расклеивались не только в военном городке, но и в Красноярске. Отклик населения на эти культурные события был живым и заинтересованным. Ставший впоследствии крупным музыкантом, красноярский юноша Александр Иванов-Радкевич вспоминал, как с друзьями торопился на концерт, проводимый в лагере: «Когда прошли версты две по заснеженной степи, обжигаемые сухим морозным ветром, то унылые кирпичные одноэтажные бараки за заборами, увенчанные колючей проволокой и сторожевыми вышками, показались нам желанным и долгожданным уютом»¹⁰. Никого не удивляло, что в зрительном зале одновременно смотрели постановки и военнопленные, и горожане, и русские офицеры, и даже

---

⁵ АКККМ. В/ф. 3645, л. 32

⁶ АКККМ. О/ф. 95442, д. 2709, л. 142

⁷ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 1136, л. 315

⁸ АКККМ. О/ф. 12417, д. 10394, л. 12

⁹ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 1136, л. 297

¹⁰ АКККМ. О/ф. 95442, д. 2709, л. 142

губернскоеначалство, которое не скупилось на аплодисменты¹¹.

Архивные документы сохранили сведения о том, что оформительская работа художников, обслуживающих творческую жизнь лагеря, дополнялась также заказами от городских предприятий. Известно, что за вывеску парикмахерской для рабочего кооператива «Труд», созданную военнопленными художниками (имена не указаны), было уплачено 150 рублей¹². Графики участвовали в издании рукописных журналов «Енисей» и «Ембер» («Человек»), венгерской газеты «Вёрёшфакя» («Красный факел»), создавали календари, памятные открытки.

В лагере проводились художественные выставки, на которых выставлялись произведения скульпторов, живописцев, графиков и работы декоративно-прикладного искусства. По словам американского историка Джеральда Дэвиса, в Красноярске «все виды изобразительных искусств были поддержаны живым местным торгом работами любительских художников и ремесленников» (Радауэр, 2013). Сохранились сведения о том, что в военном городке военнопленный словенский искусствовед поэт Воеслав Моле читал лекции по истории мирового искусства.

Чешский художник Альфред Кунфт, работавший до войны в либерецком издательстве братьев Шкип, вместе с военнопленным Гансом Тумой расписывал кафе в Красноярске. В 2015 году графические листы Кунфта «Скелет над городом, разрушенным войной», «Перед транспортом», «Владивосток», были представлены на выставке «В Сибирь!», организованной в галереи города Либереца (Чехия). Помимо этих работ данная экспозиция включала произведения европейских мастеров, бывших военнопленных Первой мировой войны: Грусса Франца, Дробика Александра, Тума Ганса, Клайнрета Ганса, Бема Виктора, МихльФердинанда.

---

¹¹ АККМ. О/ф. 12417, д. 10394, л. 12

¹² ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 1136, л. 388

В Государственном архиве Красноярского края сохранились краткие сведения о венгерском художнике Рипсаше Генрихе Генриховиче, уроженце города Нимет Бой (неразборчиво). Известно, что в 1915 году он попал в русский плен. В стандартной анкете для военнопленных он сообщил, что учился в Академии искусств (город не указан), 10 лет работал художником в Будапеште, являлся членом Салона национального искусства¹³. Можно предположить, что влияние этого мастера на творческую жизнь Красноярска было значительным, поскольку скорее всего о нём, как о даровитом и грамотном графике, вспоминал красноярский художник Венедикт Львович Петраков в 1927 году на Первом сибирском съезде художников. Однако Петраков называл фамилию «Рапша», а не «Рипсаш», что можно объяснить временной дистанцией, ослабившей память Петракова, либо ошибкой лагерных писарей, составлявших списки иностранцев на слух.

Рапша, по утверждению Петракова, участвовал в выставочном процессе города, а значит был знаком с местными мастерами, многие из которых работали в Рисовальных классах Красноярска – первой сибирской художественной школе. В этом учебном заведении, открытом при непосредственном участии великого исторического живописца Василия Ивановича Сурикова в 1910 году, с 1911 по 1918 годы ежегодно организовывались ученические отчётные выставки. Подобные мероприятия активно обсуждались критиками на страницах местной прессы. Например, отчётную выставку 1914 года обозреватели газеты «Отклики Сибири» (1915, № 11) назвали удачной благодаря «... обильному количеству домашних работ». Экспозиция вызвала интерес мецената П.И. Гадалова, который приобрел 9 этюдов кисти А. Ефремова, Г. Лаврова, А. Воцакина. Но были и менее удачные просмотры, в 1915 году достижения учеников были названы любительством. Трудности обучения усугублялись теснотой помещения и скудностью освещения (газета «Сибирская жизнь», 1915, № 26).

---

¹³ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 855, л. 14

Центральным событием культурной жизни Красноярска в первые десятилетия XX века стала профессиональная экспозиция 1916 года, названная устроителями Первой выставкой картин и скульптуры сибирских художников. Зрителям было представлено 276 работ 18 мастеров. Анонимный критик, подписавшийся псевдонимом «Один из публики», условно разделил их на профессионалов (Гуркин, Каратанов, Сергеев, Овчинников, Ладейщиков, Вочнер, Померанцев) и самоучек (Попов, Ефремов, Золотухин, Лекаренко, Летунов, Шнейдер). Последние, по мнению автора отзыва, обладали незаурядным талантом, широким размахом и большими возможностями в творчестве. Критики с интересом отнеслись к поискам практически всех художников (газета «Сибирская жизнь», 1916, №30), отметив формирование молодого сибирского поколения мастеров, которые ищут «... свои приёмы, свою манеру. И жадно, страстно, с трогательной любовью изучают местную природу». Таким образом, несмотря на войну, художественный процесс в городе был на подъёме. Региональные художники объединялись в единый профессиональный цех; зрители не теряли интереса к событиям творческой жизни; талантливые дети имели возможность учиться в Рисовальной школе. Периодика, изобиловавшая информацией о военных действиях, находила возможность опубликовать сведения о художественных процессах, происходящих в городе. В Красноярске работали европейские мастера, которые «... повлияли, внесли свое. Они устраивали свои выставки в Красноярске. Они уже восхищались Сибирью, они уже отражали её» (Первый сибирский съезд художников, 1927).

В феврале 1917 года «весь город кипел событиями, люди были совершенно выбиты из колеи и буквально никто не мог оставаться дома. Вся жизнь проходила на улицах и площадях<...> в больших волнениях и нервном напряжении»¹⁴. Революция внесла свои коррективы и в жизнь горожан, и в судьбы обитателей военного городка, в котором режим содержания людей

---

¹⁴ АКККМ. В/ф. 3645, л. 42

был ужесточён. Постоянное недоедание усугублялось теснотой, грязью, холодом. Люди, приехавшие из тёплых европейских стран, с трудом переносили длинные суровые сибирские зимы, многие не выдерживали испытания и умирали от туберкулёза (Строй, 2017). Настоящим многолетним бедствием стал сыпной тиф. Вспыхнув однажды в военном городке, эпидемия переметнулась в Красноярск. На протяжении нескольких лет «сыпняк» свирепствовал в городе. Несколько госпиталейне вмещали всех больных, среди которых были военные, местное население и военнопленные. Позже свидетели вспоминали, что мертвецов «... вывозили за город и там сжигали, поливая керосином. Хоронить было негде и некогда. Двор [госпиталя] загромоздили трухлявыми, прогнивающими матрасами, и они сплошь были усеяны копошащимися жирными чёрно-серыми вшами», на которых никто не обращал внимания. Людям казалось, что «смерть уже пришла в город и её ничем никто не предотвратит»¹⁵.

Революция обострила классовые противоречия между военнопленными и после 1917 года в лагере периодически вспыхивали социальные конфликты, происходили вооружённые мятежи и даже расстрелы. В такой обстановке теряли свою значимость сословия и воинские звания, особую ценность приобрели знания и умения людей, полученные ими в мирной жизни. Военнопленные стали самоорганизовываться в различные ремесленные артели, например, по изготовлению обуви, мелкой утвари и даже икон. Известно, что в военном городке работала гончарная мастерская¹⁶ и мастерская музыкальных инструментов¹⁷, в которой трудились резчики по дереву. В 1919 году в Красноярске открыли мастерскую, в которой семь военнопленных мастеров вырезали детские деревянные игрушки. Газета «Енисейский вестник» (1919 год, № 107) сообщала читателям, что игрушки искусно сделаны, прочны и очень дешёвые, поэтому их охотно покупают красноярцы, минусинцы, томичи, новониколаевцы, а

---

¹⁵ АККМ. О/ф. 95442, д. 2703, л. 137

¹⁶ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 816, л. 598

¹⁷ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 816, л. 55

также жители Канска. Таким образом, в Красноярске, как и по всей Сибири, лагеря стали выполнять функции промышленных центров, которые контролировали качество изготавливаемых товаров и регулировали их сбыт. «Общий оборот произведённых красноярскими военнопленными товаров домашнего потребления достиг в ноябре 1919 года внушительной суммы – 2 миллиона рублей»¹⁸.

Военнопленные стремились обосноваться в Красноярске. Если они находили работу, а порой и жильё в городе, то руководство лагеря, как правило, не препятствовало такому решению. Поскольку Сибирь только в течение первых трех лет войны пережила двадцать воинских призывов (Комарова, 2007), то мужское население было в дефиците. Благодаря иностранцам, на сколько это было возможно, преодолевались проблемы, связанные с «мужским трудом» и гендерной диспропорцией. В этой связи важно отметить, что большинство местного населения относилось к военнопленным толерантно, а многие с состраданием. Александр Иванов-Радкевич вспоминал: «Когда, съёжившись на морозе, в своих ботинках с обмотками, в шинелишках и шапчонках австрийские ремесленники и крестьяне в чужой, ненужной им стране, искали пропитание через свой труд, сердца красноярцев трепетали от горести, жалости за этих невинных страдающих людей и негодуя на тех, кто поверг их в несчастье»¹⁹. Случались и браки, например, жительница Красноярска М. Токарева вышла замуж за итальянца, впоследствии была депортирована с мужем на его родину и стала солисткой Миланской оперы (Комарова, 2007).

В 1918 году решением новой советской власти все военнопленные, работавшие в Красноярске, должны были вернуться в военный городок. Специальная комиссия изучала списки иностранцев, трудившихся в государственных учреждениях и частных предприятиях города. Среди немногих, избежавших решения вернуться в лагерь, были пленные

---

¹⁸ АКККМ. В/ф. 5006, л. 38

¹⁹ АКККМ. О/ф. 95442, д. 2702, л. 141

австрийцы Фердинанд Михль и Артур Якобовский. Незадолго до этого они были приглашены Городской Думой преподавать гравюру в Рисовальных классах. Комиссия разрешила им работать «до окончания курса»²⁰, то есть учебного года. Также известно, что эти мастера активно взаимодействовали с местным художественным обществом (Радауэр, 2013) Енисейским союзом художников и деятелей прикладных искусств.

Сведения об этой творческой организации пресса стала публиковать в 1918 году. Председателем союза был живописец Дмитрий Иннокентьевич Каратанов, который усилия своих единомышленников направлял на проведение выставок (Строй, Царева, 2017). Помимо решения творческих задач, экспозиционный процесс позволял хоть как-то поддерживать работу Рисовальных классов, находящихся в бедственном финансовом положении. Власть в городе периодически менялась, в ситуацию с художественной школой никто не вникал, ресурсов не хватало и на более важные проблемы. Поэтому художники спасали учреждение самостоятельно через выставочные сборы. В апреле 1919 года была проведена весенняя передвижная выставка, в сентябре того же года союз начал подготовку к осенней экспозиции. Но эти попытки не привели к желаемому результату и в декабре общее собрание союза приняло решение школу закрыть (газета «Енисейский вестник», 1919, № 264).

В 1920 году художники собирались в стеклянном павильоне бывшего фотоателье. Их сообщество представляло собой студию-коммуну, которая объединяло не только красноярских мастеров, но, как отмечал красноярский исследователь Н. Лисовский, «осевших в городе приезжих», среди которых наверняка были изключённые Первого концлагеря, так стал называться военный городок в 1920 году. К этому времени иностранных военнопленных стали массово отправлять на родину. Рипсаш был депортирован в Венгрию, вместе с ним уехал его соотечественник художник Бокуш Шандор²¹.

---

²⁰ ГАКК. Ф-р. 1800, оп. 1, д. 1, л. 7-8

²¹ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 857, л. 45

Вернулись домой Фердинанд Михель, Альфред Кунфт, Воеслав Моле. В Словении Моле издал сборник стихов «Tristiaex Siberia» о пережитом в Сибири (Бершадская, 2017).

В этот год потоки репатриантов из Красноярска были масштабными, некоторые иностранцы увозили на родину жён из Сибири. Были и те, кто, обретя свободу, добровольно оставался в России, как например польский художник Владислав Поранкевич, окончивший Академию художеств в Кракове и Париже. Об этом живописце в 1915 году упоминала местная газета «Енисейская мысль» (№120).

Вместе с тем, освобождали не всех, а заключенные при этом продолжали пребывать. Люди жили в чудовищной тесноте и грязи, спровоцированной разгулом тифа и кишечными инфекциями. Остались свидетельства очевидцев, что по лагерю бродили голодные лошади, «которые вскоре все пали. Вся территория и все сараи были загажены. Около госпиталей высокими штабелями были сложены трупы умерших от сыпняка»²². Среди 40000 военнопленных были те, кто в анкетах указал профессиональную принадлежность к художественному цеху: венгерские живописцы Иосиф Буда²³ и Генрих Рийман²⁴; австрийский литограф Густа Микшика²⁵; немецкий архитектор Кольгард Бруно²⁶; венгерский архитектор ЛангаДюла²⁷. В лагере они разделяли участь «неблагонадёжных» россиян, которые подозревались во враждебности к советской власти. Некоторые из них пересекали страну с запада на восток, убегая от бесконечных военных переворотов, голода и болезней. Другие, в силу убеждений или под давлением внешних обстоятельств, сражались в рядах белой армии, как например, декоратор-живописец Иван Иванович Преображенский²⁸;

---

²² АККМ. О/ф. 12417, д. 10394, л. 15

²³ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 869, л. 79

²⁴ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 1174, л. 2

²⁵ ГАКК. Ф-р. 250, оп. 1, д. 25, л. 4

²⁶ ГАКК. Ф-р. 250, оп. 1. Д. 25, л. 3

²⁷ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 857, л. 2

²⁸ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 856, л. 47

театральный художник-костюмер Евгений Николаевич Ракикт²⁹; Соломин (имя неизвестно); гончар Михаил Николаевич Шишлаков³⁰; график Иван Иванович Ляхов³¹.

Ляхов, уроженец Саратовской области, во время Первой мировой войны, попал в немецкий плен. Вернувшись на родину, вступил в армию Колчака. При этом, имея профессиональное художественное образование, график мечтал заниматься только искусством³². Возможно, ему удалось хоть как-то творчески реализоваться в лагере, где с 1920 года планомерно и централизованно осуществлялись культурно-массовые работы посредством издания журнала, деятельности библиотеки и трёх секций – научной, театральной и музыкально-вокальной. Руководители секций имели специальный паёк³³.

Но очевидно, что в целом динамика художественных процессов Красноярска в 1920-х годах критично ослабевала. Без Рисовальных классов творческая жизнь города, не получая необходимой подпитки, истощалась. Выставки, проводимые мастерами, не находили отклика у людей. Красноярск, как и вся страна, был истерзан войной, политическими переворотами, голодом и эпидемиями. Иностранные художники, уезжая, устраивали выставки-распродажи своих работ, но населению, находящемуся на грани выживания, было не до искусства. Вместе с тем, спад творческой жизни красноярцы ощущали болезненно. Один из них, преподаватель Института народного образования Владимир Иванович Медяков, в 1921 году написал в своей рукописи, что Красноярск стал небогат «предметами искусства, где нечего увидеть, нечему учиться и не с кем поговорить. <...> Нет людей, нет атмосферы, заедает среда, трудно удержать в себе горящий огонь [творчества] и не дать ему затухнуть»³⁴. Почеркнем, что этот период,

---

²⁹ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 856, л. 177

³⁰ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 816, л. 598

³¹ ГАКК. Ф-р. 51, оп. 3, д. 44, л. 53

³² ГАКК. Ф-р. 51, оп. 1, д. 1005, л. 1

³³ ГАКК. Ф-р. 1743, оп. 1, д. 1159, л. 146

³⁴ ГАКК. Ф. 1380, оп. 3, д. 22 а, л. 22

один из самых сложных и трагических в российской истории, не истребил потребность людей в искусстве, а наоборот, усилил их желание искать в нем духовный свет и находить эмоциональную радость.

Выводы

В сложении художественных процессов Сибири роль красноярского «военного городка» Первой мировой войны очевидна. Уникальность такого явления как лагеря для военнопленных, формирование которых в 1914-1920 годах имело массовый характер и значительно влияло на социокультурную жизнь региональных городов, позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, красноярский лагерь принципиально отличался от одноименных учреждений Второй мировой войны, где военнопленные подвергались физическим наказаниям, пыткам и принуждались к тяжелейшим видам работ. Россия же в рассматриваемый период полностью соблюдала условия Гаагской конвенции 1899 и 1907 годов по содержанию солдат, взятых в плен. Это обстоятельство и особое отношение сибиряков, видевших в пленных солдатах не врагов, а страдающих людей, которым необходимо «... отогреться, опомниться от горя, одиночества на чужбине, вспомнить о семьях, родине и внушить надежду на возвращение», позволили иностранцам не просто выжить в плену, но и участвовать в творческой жизни города, обогатить его культурный генофонд.

Во-вторых, традиции европейского искусства включались в художественные процессы Сибири. В 1920-х годах в Красноярске насчитывалось около 70 военнопленных художников, это были «графики, пейзажисты, живописцы-станковисты. За три-четыре года они повлияли, внесли своё. <...> Были и русские художники, заброшенные войной» (Первый сибирский съезд художников, 1927). Имена некоторых из них сохранили скудные по информации, но драматичные по содержанию архивные и мемуарные источники. Они позволяют глубже осмыслить жизнь военнопленных мастеров в сибирском лагере и изучить их участие в

художественных процессах Красноярска, города, ставшего важнейшей вехой их личной судьбы.

В-третьих, казалось бы, в столь далёкие от искусства труднейшие годы войн и революций начала XXвека, в Красноярске сложилась художественная школа, образовались прочные профессиональные сообщества художников, осуществлялась выставочная жизнь. Художественная критика активно и достаточно разносторонне проявила себя в периодической печати. Не случайно уже в 1927 году на Первом сибирском съезде художников, проходившем в Новосибирске, программно было заявлено о необходимости написания всесибирской истории искусства, для чего в Красноярске даже была начата системная работа по сбору материалов, но это уже следующая страница истории...

References

- Бершадская, М.Л. (2017).Россия периода Первой мировой войны в дневниках и воспоминаниях словенских военнопленных. *In:Stephanos*, (1),201-210.
- Вебер, М.И., Суржикова, Н.В. (2014). Военнопленные первой мировой войны на востоке России: взгляд Йохана Принса. *In:Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*,(47), 340-361.
- Комарова, Т.С. (2007).*Тем, кто в забвенье брошен был судьбой... Енисейская губерния в годы первой мировой войны*. Красноярск, 120 р.
- Первый сибирский съезд художников (1927). *In: Сибирские огни*, (3), 204-231.
- Радауэр, Л. (2013). Творческая жизнь военнопленных Первой мировой войны в Красноярском военном городке. *In:Сибирь в войнах начала XX века*. Красноярск, 183-187.
- Строй, Л.Р., Царёва, Е.С. (2017). Роль П. И. Иванова-Радкевича в формировании культурного пространства Красноярска конца XIX – начала XX веков. *In:Проблемы музыкальной науки*, (4), 143-150.
- Строй, Л. (2017).Stude on the role of the artists. World war I prisoners in the cultural life of Siberia (in the cite of Krasnoyarsk). *Proceedings of the 2017*

International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education[*Proceedings of the 2017 International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education*]. Moscow, 60-64.

Список сокращений:

АКККМ – архив Красноярского краевого краеведческого музея

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

В/ф. – вспомогательный фонд

О/ф. – основной фонд

Ф-р. – революционный фонд